

Вопросы к докладчику и ответы

Вопрос (А.И. Соловьев):

У меня простой вопрос: а что такое власть? Вы так инструментально используете это понятие, что мне, честно говоря, не очень это понятно.

Ответ:

В самом широком смысле власть есть возможность/способность оказывать воздействие на кого-то или на что-то, процесс и средство реализации этой возможности и способности. Более узкое определение власти, на мой взгляд, таково: это система реального и символического насилия — будь то в непосредственной форме или в форме гегемонии, — реализуемая на определенной территории.

Если взять еще уже и говорить о политической власти, то речь должна идти о таком властном отношении, обе стороны которого — субъекты. Не может быть отношений политической власти между рабом и рабовладельцем, крепостным и феодалом, поскольку личность (воля, субъектность) раба и крепостного отчуждены и они не суть субъекты. Поэтому, например, ни политической власти, ни политики не может быть в докапиталистических обществах — будь то азиатские, античные или феодальное. Политика как особая форма возникает с разложением феодализма и становлением буржуазного общества, что, кстати, объективно резко ограничивает поле и претензии политологии.

Это что касается общих определений. Я же в своем докладе говорю не о власти вообще, а о конкретном властном субъекте, о конкретном инструменте власти в русской истории — субъекте русской власти. И я действительно использую термин «русская власть» в качестве инструмента исследования. Под русской властью я понимаю такой субъект-

ект реального и символического насилия, который функционирует так, чтобы не допустить реализации субъектности другими элементами системы, в которой он является системообразующим.

Конкретную форму персонификатора русской власти в XVI–XX вв. (и — с оговорками — на рубеже XX–XXI вв.) я называю центроверхом. Я понимаю — это надо признать честно и откровенно — «центроверх» звучит в большей степени как метафора, чем понятие, и задача — превратить центроверх в стопроцентное понятие науки о власти и научной русской истории (т. е. историологии), этот путь еще предстоит пройти. И, тем не менее, «центроверх» представляется мне наиболее адекватным на данный момент термином. По крайней мере, он позволяет не пользоваться абсолютно неадекватным для русских (и вообще некапиталистических — как докапиталистических, так и антикапиталистических) термином «государство» в смысле «state» (lo stato, der staat, l'état). У нас термин «государство» используется для определения всех послепервобытных форм организации власти — от Шумера и Древнего Египта до Британской империи и современных США. В западных языках — например, в английском — есть два термина: «chiefdom» («вождество») и «patrimony» («патримония»), которые позволяют отграничить западноевропейское (североатлантическое) state типологически и хронологически (XV/XVII–XX/XXI вв.).

Государство есть легальная сфера социального и символического насилия, обособленная от производственных отношений и ограниченная определенной территорией, на которой она выступает в качестве **одного** из субъектов. Ясно, что ни самодержавие, ни советский коммунизм как властные организации ни государством, ни политическими формами нее являются. Отсюда — использование термина «центроверх» для обозначения русской власти, ее системной верховной и центральной роли.

Вопрос (В.Ф. Туганов):

Не кажется ли Вам, что все-таки прав наш известный философ Ильин, который считал, что власть не в силе, производящей закон, а в правомочии, а его мерилом является правота. Если никто не оспорил правоту КПСС и единственности ее учения — то все, привет. У нее есть правомочия, потому что она права. Ильин прав: как только правоту КПСС оспорили, убрали ст. 6 — опять привет, кончилась власть КПСС. Дело не в легитимности, потому что закон изобретает тот, кто уже имеет власть. А вот приход к власти — он в правомочии, он в правоте. Не зря русский народ говорит: не в силе Бог, а в правде. Правда для русских и правота — важнее любого закона. Это общеизвестно. Я вот буквально в электричке прочитал работу Багдасаряна, в которой он приводит некий опрос, что действительно для России, для русских важна правота и справедливость. Я говорю о том, в чем власть. Александр Иванович задал вопрос. Он очень интересен. Вопрос мой заключается в том, не прав ли Ильин? Не в силе Бог, а в правде.

Ответ:

Начну с того, что мне в принципе трудно отвечать на подобного рода вопросы, поскольку я — атеист. Действительно, для русских людей в их жизни закон играет значительно меньшую роль, чем, например, правда, справедливость. Но, во-первых, я говорю о феномене русской власти, которая принципиально является надзаконной, что отличает ее как от государства, так и от докапиталистических форм организации власти на Западе и Востоке. Во-вторых, необходимо внести поправку и в данные опросов о том, что в России важны правота и справедливость. Так, опросы во время выборов показывают, что несмотря на симпатии (например, к коммунистам как «заступникам народа»), люди голосуют за «Единую Россию», потому что она — власть. Так что не все так просто в отношениях между представлениями и прак-

тическим поведением. Как заметил Андрей Платонов, русский — это человек двустороннего действия: он может жить и так, и обратно, и в обоих случаях останется цел. Так что не стоит ни абсолютизировать правдоцентричность русской жизни, ни обольщаться ею. А в общем плане — да, закон не играет значительной роли в русской жизни, причем не только из-за любви народа к правде, а потому что власть постоянно нарушает закон, а народ отвечает ей тем же — здесь мы вступаем в сферу специфических форм русской социальной борьбы — неполитической и неклассовой.

В.Ф. Туганов:

Извините, я встряну. Тогда получается, что Ильин прав, и Вы правы. Вы говорите об одном и том же.

Ответ:

Мои размышления лежат в иной плоскости, чем таковые Ивана Ильина. Ильин говорит в большей степени о том, как должна восприниматься власть, о должном; меня же больше интересует сущее. Например, я далеко не уверен, что люди, жившие в СССР, — по крайней мере, бульшая их часть — воспринимали власть большевиков (РКП(б) /ВКП(б) /КПСС) как носительницу правды. Да и сами большевики/коммунисты воспринимали себя вовсе не только как носителей правды, но и как носителей силы. Как известно, Ленин, в частности, писал о коммунистической власти, что это ничем не ограниченная, никакими законами, никакими правилами не стесненная непосредственно на насилие опирающаяся власть, что юридическая и фактическая Конституция Советской республики строится на том, что партия все назначает и строит по одному принципу.

Подчеркну еще раз: цель настоящего доклада — не в анализе соотношения закона и правды в русской жизни, а в анализе специфики русской власти как особого субъекта — автосубъекта. При этом не надо путать автосубъектность с

силой. Русская автосубъектная власть могла быть и бывала слабой и неэффективной, но по принципу конструкции, так сказать по проекту и дизайну — это надзаконная власть. Более того, она эффективна как таковая. Юридизация русской власти, как правило, является началом ее конца.

Вопрос (С.С. Сулакишин):

Чрезвычайно интересное сообщение, которое порождает много, в том числе, и воспоминаний об эксперименте над нашей жизнью на нашей памяти: как власть перерождалась, возрождалась, формировалась. Первый вопрос: Путин и Медведев тоже автосубъектны и вне закона? Второй вопрос: была ли в истории России все-таки законная, не автосубъектная власть? И третье, немного пересекающееся с вопросом А.И. Соловьева: в 1991 г. в российскую власть десантировались люди, совершенно посторонние. Какой был Бурбулис человек власти? Да никакой. Я сам в то время попал во власть из физической лаборатории и эксперименты ставил на себе. Тем не менее, она очень быстро воспроизвела некие наследственные характеристики, которые Вы выделили, — инвариантные в истории, инвариантные во времени характеристики русской нации. Вопрос: что же это за субстанция, которую, приходя на трон, человек выпивает, приобщается и воспроизводит историческую тенденцию? Что это за вещество? Где оно находится? Тогда, может быть, можно понять, что такое власть? Сословие ли это наследственное? Склонность ли это ментальности и характера национального? Культурно-поведенческие традиции? Либо это накапливаемый легитимный пакет данного цивилизационного сообщества? Где это наследуемое средоточие, а, по Вашей формуле, — две основные характеристики власти?

Ответ:

Начну с вопроса, была ли в истории России законная, не автосубъектная власть. Автосубъектная власть не может не быть надзаконной по определению — как не может быть

хлопка одной ладонью. Надзаконное состояние русской власти — ее нормальное состояние; она может быть источником закона, но одна над ним.

В русской истории (но не в истории России — история России это XVIII — начало XX вв., т. е. история Российской империи) был период, когда не было автосубъектной власти — это эпоха Киевской и Владимирской Руси, т. е. домонгольская Русь.

В домонгольскую эпоху на Руси было три различных варианта организации власти, в зависимости от того, какой из углов треугольника — бояре, вече или князь — доминировал. В северо-восточной Руси — это был княжеский режим, на юге и юго-западе Руси — боярский режим. И, наконец, народоправство в Новгороде, Вятке и Пскове. В домонгольский период на Руси нашелся один князь, который попытался создать нечто напоминающее автосубъектную власть, но у него не хватило массы насилия, и его убили — это Андрей Боголюбский. С установлением ордынского порядка ситуация изменилась: у русских князей появилась необходимая масса насилия в виде ордынских ратей, и одним из первых это понял Александр Невский.

Следующий вопрос: являются ли Путин и Медведев представителями автосубъектной и надзаконной власти. Мой ответ: и да, и нет. Для начала нужно поставить вопрос: является ли существующая сегодня в России власть автосубъектной? Дело в том, что нынешняя власть в РФ есть продукт, а во многом еще и до сих пор — процесс разложения позднекоммунистической власти, которая, к тому же, во времена горбачевщины успела растерять ряд автосубъектных черт. Постсоветское общество, которое кто-то удачно назвал «обществом либер-панка», — это не здоровое общество, а общество затянувшегося и в чем-то самовопроизводящегося процесса социального разложения.

Обусловлено это следующим. В истории североатлантического ядра капиталистической системы процесс первона-

чального накопления (внеэкономический, силовой передел собственности — например, огораживания в Англии) предшествовал собственно капиталистическому, был его фундаментом, т. е. их отношения во времени носили диахронный характер. В отличие от этого, на периферии и полупериферии капиталистической системы первоначальное (некапиталистическое, а в чем-то — антикапиталистическое) накопление и капиталистическое развивались синхронно; более того, первоначальное накопление постоянно подрывало капиталистическое, блокировало его, превращало в свою функцию. Именно это произошло в РФ, начиная с 1990-х гг., с превращением «эрэфии» в экономическом плане в сырьевую полупериферию/периферию ядра капсистемы. У нас процесс первоначального накопления — постоянный передел собственности на всех уровнях экономической пирамиды — подрывает капиталистическое накопление, по сути блокирует развитие капитализма и не только буржуазного общества, но вообще упорядоченного, структурированного социума. Вместо этого — «общество-каша», в котором криминализация и коррупция становятся в значительной степени формами социальной самоорганизации. Иными словами, процессы социальной дезорганизации и асоциальной организации в значительной степени доминируют над процессами социальной организации, обгоняют их развитие.

При том что власть — системообразующий элемент общества, она не может не нести на себе отпечаток происходящих в нем и с ним процессов, оказываясь в противоречивой ситуации. С одной стороны, нынешняя власть, конечно же, слабее русской власти в ее зрелой коммунистической форме 1960–1970-х гг.; она хуже организована и отрегулирована; наполняющий ее человеческий материал уступает человеческому материалу 40–50-летней давности; она намного менее легитимна в глазах населения, поскольку так или иначе связана с массовой экспроприацией 1990-х гг. (т. н. «реформ»); она не может предложить населению ни новых идеалов и

ценностей, ни нового проекта. И это объективно ослабляет власть.

С другой стороны, «сделочная позиция» власти по отношению к населению существенно усиливается тем фактом, что, по сути, нет общества, а есть скорее «одинокая толпа» (Д. Рисмэн), занятая главным образом выживанием. Власти («государству»), по сути, никто не противостоит. Когда-то Герберт Уэллс заметил, что большевики оказались хозяевами корабля, с которого сбежали все, даже крысы. «Постбольшевики» оказались хозяевами даже не корабля, а разрушенного корпуса и плавающих на поверхности обломков рангоута.

Сегодняшние руководители РФ являются представителями автосубъектной власти в той степени, в какой, во-первых, сохраняются остатки автосубъектной власти; во-вторых, в той степени, в которой удалось укрепить сохранившееся. Но если автосубъектность русской власти в ее нормальном, здоровом состоянии обуславливалась качеством и силой самой власти, то «автосубъектные» характеристики власти РФ обусловлены во многом состоянием общества — его разложением, неорганизованностью, слабостью; несубъектность последнего есть результат не столько действия власти, сколько разложения старого и несформированности нового. Правда, власть — объективно — мало что делает (и мало что может сделать) для формирования этого нового, а потому о ее автосубъектности можно говорить как о негативной (не в оценочном, а в сущностном плане) и функциональной.

То же — с надзаконностью. В условиях социального распада и возникновения чего-то нового резко падает значение закона и растет значение силы (показателен появившийся в 1990-е гг. термин «силовые ведомства»). Так, к имманентной надзаконности традиционной русской власти добавляется ситуационная надзаконность, связанная с процессами социального разложения и генезиса. Отсюда — характеристики власти РФ и ее представителей. Я уже не говорю о таких ограничителях автосубъектности, как глобализация и впи-

санность властвующей верхушки РФ в различные мировые расклады и процессы. Последние диктуют свою логику, и это накладывает серьезный отпечаток на процессы формирования постсоветских структур власти в РФ.

Например, нередко говорят, что в последние годы у нас государство укрепилось. Да, произошло некоторое укрепление «государства» (примем в данном случае этот термин), но — какого государства? Национального государства (т. е. нации-государства) или чего-то другого? За последние сотни с небольшим лет выработалась привычка отождествлять «государство» с «нацией-государством». А ведь если придерживаться принципов историзма и системности, нация-государство — это конкретная форма государства, возникшая в середине XIX в. и достигшая расцвета в 1945–1975 гг. в виде так называемого *welfare state*. Существовали и другие формы: «княжеское государство», «монархическое государство», «территориальное государство» — ему на смену и пришло «нация-государство». Сегодня, когда последнее клонится к упадку — об этом не пишет только ленивый, — возникает вопрос: что идет на смену нации-государству на Западе? Для «остального» мира этот вопрос стоит иначе: какая форма организации власти адекватна эпохе глобализации, возникшей из противоречий, из борьбы («борьба — отец всего» — Гераклит) между капсистемой и системным антикапитализмом (коммунизмом) — с одной стороны, и между нацией-государством и транснациональными корпорациями внутри самой капсистемы — с другой? После крушения/разрушения исторического коммунизма и СССР в результате классового сговора части западной верхушки и определенных сегментов советской, интенсифицировался процесс оформления новой, «постнациональной» формы государства, которая представляет собой результат снятия (в гегелевском смысле) противоречия между нацией-государством и ТНК; но снятия в интересах корпоратократии — молодой хищной фракции мирового капиталистического класса, заявившей о себе

сразу же после окончания Второй мировой войны планом Маршалла и свержением Мосаддыка в Иране (1953 г.), а в 1981 г. посадившей своего человека в Белый Дом. Я называю эту новую форму корпорацией-государством (КГ).

КГ — это не корпоративное государство, а именно — корпорация-государство, где «корпорация» сменяет «нация» в качестве определения. КГ — это не корпорация, которая превращается в государство, а государство, превращающееся де факто в корпорацию путем отказа от социальных и национальных обязательств. Все кто не может быть объектом первичной (в качестве производителей) или вторичной (в качестве потребителей) эксплуатации, т. е. «не вписываются в рынок», фактически исключаются из социального процесса — государство сводит заботу о них к минимуму миниморуму (подробно феномен КГ описан мной в ряде статей). В отличие от нации-государства (особенно в его вельфэровской форме), неадекватного глобализации, КГ адекватна глобализации (прежде всего, глобальной криминальной экономике) в качестве базовой единицы организации этого процесса и полностью соответствует интересам оседлавшей глобализацию корпоратократии.

Процесс формирования КГ идет во всем мире — от центра капсистемы до периферии. США после середины 1970-х гг. не столько нация-государство, сколько КГ, кластер ТНК, что не отменяет национальных интересов США, но создает серьезные противоречия интересов во внутренней и внешней политике. Возьмем современную Колумбию — нет никакого национального государства Колумбия, а есть несколько корпораций-государств: Калийский картель, Медельинский картель, зона FARC и т. н. «государство Колумбия».

По иронии истории, формирование КГ идет быстрее всего не в ядре капсистемы, где до сих пор существует, пусть и в ослабленном виде, гражданское общество с его институтами, а на полупериферии и периферии — особенно там, где слабы религиозные институты.

В экссоциалистической зоне источником и фундаментом развития КГ стали ведомства социалистической эпохи и их кластеры, которые и формируют КГ. Есть, однако, ряд факторов, которые тормозят процесс развития КГ, деформируют его и даже способны повернуть вспять. Это большая территория, мощное культурно-историческое наследие и задачи противостояния конкурентам на мировой арене. Все это требует определенных характеристик национальной государственности.

В этом плане РФ — весьма сложный и противоречивый случай. После крушения коммунизма и распада СССР впервые за последние 400 лет возникла возможность возникновения, во-первых, государства; во-вторых, нации-государства русских, которые составляют 80% населения. Однако логика неолиберальной приватизации-контрреволюции как составной части глобализации способствует формированию в РФ прежде всего КГ. И в то же время, до сих пор можно говорить о наследии русской автосубъектной надзаконной власти, которое усиливается ситуационно разложением и ослаблением общества. Таким образом, нынешняя русская власть — это клубок противоречий, неорганичное соединение тенденций развития различных уровней (глобального и российского), различных векторов (корпорация-государство и нация-государство) плюс наследие, матрица автосубъектной власти. Путин и Медведев — персонификаторы этого клубка противоречий, этой неорганики.

Наконец, вопрос о том, что это за субстанция — власть, что это за вещество, где оно находится. Власть — это не вещество, не физическая субстанция, а метафизическая; это информационно-энергетический субстрат. Хотя у власти есть материальные атрибуты, сама власть есть нематериальный феномен. Это комплекс отношений, организованных форм (институтов), представлений и типов поведения, чаще всего неписаных, ибо реальная власть — это тайная власть, обладающая довольно жесткой конфигурацией

(на примере позднесоветской власти это блестяще показал А.С. Семин в романе «Законы кашалота», а на примере предвоенных США — Р. Пенн Уоррен в романе «Вся королевская рать»).

С.С. Сулакшин:

А что же все-таки наследуется?

Ответ:

Наследуется эта конфигурация. В нашем случае — при попадании во власть — это отношение к себе как к единственно значимому субъекту, который находится не только над всеми в своей зоне, но и над всем, в том числе и над законом.

С.С. Сулакшин

Я — человек с улицы, попавший во власть. Путин — человек с улицы, абсолютно не готовый к роли Президента, попал во власть. Что он у кого унаследовал? Что воспроизводит эту цепочку?

Ответ:

Начнем с того, что большая часть попавших во власть «с улицы» ничего не унаследовала, она выпала из власти, была выброшена или сама ушла. Бурбулис, Казанник, Руцкой, Шахрай и многие другие — где они? А вот тот факт, что в нынешней властной и деловой элитах 70% — это бывшая номенклатура (на областном уровне даже 80%), свидетельствует о преемственности, о том, что постсоветскую власть унаследовали не «люди с улицы», а «люди власти». Кстати, и Путин как сотрудник КГБ был человеком власти.

Во-вторых, был фактор, облегчавший постсоветской верхушке закрепление у власти («наследование») — объект наследования несравним с тем, что имели цари и генсеки. Но я полагаю, Ваш вопрос задан не о «количестве власти», а о принципе?

С.С. Сулакшин:

Вопрос о процессе, о какой-то природе этой передачи, инвариантности в истории этих свойств.

Ответ:

Наследуется конкретная матрица нематериальных отношений. Кто соответствует ей или способен приспособить себя к ней, задавив «я», многие человеческие чувства, тот может участвовать в игре под названием «Борьба за наследство».

Воспроизводство пришедшими в 1990-е гг. во власть ее наследственных характеристик неудивительно, удивительно было бы противоположное. Власть — единственная значимая субъектность, единственное реальное богатство и единственная настоящая организация в России. Естественно, любой человек, который приходит во власть и задерживается в ней, становится персонификатором и монополистом этой «единственности», которой, по сути, ничего не противопоставит — ни гражданское общество, ни религия. В такой ситуации трудно не воспроизвести базовые характеристики — автосубъектность и надзаконность, тем более, если именно этого ожидает основная масса населения. Т. е. в данном случае речь идет о наследовании «по негативу» (речь, опять же, не об оценке, а о сущностной характеристике чего-то как неположительного).

Вопрос (А.Л. Андреев):

Мне хотелось бы продолжить ту же логику, которую уже задал А.И. Соловьев. Если он спросил, что такое власть, то мне хотелось бы спросить, особенно после последней реплики, что же такое закон? И более конкретно: имеется ли в виду закон писанный, кодифицированный, на котором написано «ЗАКОН»? Или здесь все-таки употребляется какое-то более широкое понятие? Есть, к примеру, божественный закон, обычное право и т. д.

Ответ:

Естественно, я имею в виду писанный закон, т. е. право, правовые характеристики. Если помните, то в самом начале 1990-х гг. говорили о необходимости суда над КПСС по типу Нюрнбергского над нацистскими руководителями, по сути — над НСДАП. На самом деле, юридически это было невозможно, причем не потому что Нюрнбергский процесс по большей части сам был неправовым. Дело в другом. НСДАП теоретически можно было «отвести» в суд — она существовала как партия, как юридическое лицо. Законом от 1 декабря 1933 г. НСДАП фиксировалась в качестве «корпорации публичного права». А вот КПСС, в соответствии с советским гражданским правом, не существовала.

Дело в том, что в СССР все организации могли существовать только в том случае, если «государство» (т. е. власть) их разрешило. Советское «государство» разрешило все организации, кроме одной — КПСС, потому что это КПСС «разрешила» советское «государство», а потому была над ним и над его законами. А следовательно, под законом (т. е. по закону) КПСС не существовала. Это звучит парадоксально, но это так, если применять к КПСС (т. е. к русской власти в ее коммунистической форме) советские же законы. Поэтому, естественно, я говорю о правовой системе, а не о божественном законе.

Вопрос (Ю.А. Красин):

У меня два вопроса. Один касается исключительно той части доклада, где Вы рисуете перспективы. Возможно ли, в принципе, выйти из этой русской власти? То что Вы даете как выбор, больше напоминает ситуацию: пойдешь налево — гибель, пойдешь направо — гибель. Второй вопрос — относительно логики доказательств. Вы говорите, что влияние Орды — это не внешний фактор, а внутренний фактор. По отношению к Орде — да. А по отношению к Западу — прямо наоборот. Ведь Петр I — какое прорубил окно на Запад.

Получается, что к Западу мы не восприимчивы, а с Востока — мы часть мировой системы. Как же совместить прямо противоположные подходы к Востоку и Западу?

Ответ:

Начну со второго вопроса как более простого и ясного. Только сразу оговорюсь: и окно, и дверь на Запад существовали до Петра, он их заколотил и прорубил грубый и неудобный лаз. Но это к слову. Что касается прямо противоположных подходов (так сформулировано в вопросе) России к Востоку и Западу, то они обусловлены различным характером отношений Руси/России с Востоком (Ордой) и Западом. Россия никогда не была данником, улусником Запада, не платила ему дань два с половиной столетия; русские не выбрали Орду — они были завоеваны ею и чтобы выжить, должны были приспособливаться. Тем более, к петровскому времени уже сформировался субъект «русская власть», окончательный облик которому Петр I и придал с помощью заимствованного с Запада.

Россия XVIII–XIX вв. не была зависимой частью Запада, он был внешним фактором; тогда как Русь второй половины XV в. была зависимым элементом Золотой Орды, а это уже иной тип влияния. Проблема, таким образом, не в восприимчивости, а в реальном положении в некоей системе. И уж если говорить о петровских заимствованиях, то они усилили именно незападное начало, закамуфлировав его западным фасадом — это противоречие и взорвалось смутой 1870–1920-х гг. и русской революцией 1905–1933 гг.

Что касается вопроса, можно ли в принципе выйти из круга русской власти, то на него я отвечаю вопросом: а можно ли выйти из круга русской истории? В свое время А.А. Зиновьев верно заметил: эволюция сложных крупных систем необратима. Можно ли выйти из круга истории капитала? Можно — в случае гибели капиталистической системы и ее системообразующих элементов — капитала и государства.

Похоже, именно к этому и идет дело в капсистеме. То же и с системой, образующим элементом которой является автосубъектная русская власть. И, похоже, эта система, как и капиталистическая, приближается к своему финалу. Иными словами, из круга русской власти можно выйти — вместе с русской властью и ее системой. Станет ли это автоматически выходом из русской истории — открытый вопрос, хотя кое-какие размышления возможны и в этом случае.

Давайте посмотрим на динамику русской истории последних столетий. В середине XVII в. (1649 г.) вставшая на ноги власть закрепила общество: верхушку — службой; крестьян — крепостной зависимостью от тех, кто эту службу несет; посадских людей — прикреплением к посаду (закрепощение посадских было наиболее последовательным: крестьянину за побег смерть не грозила, а вот посадскому, согласно указу 1658 г., за уход грозила смертная казнь). В 1762 г. Петр III отпускает верхи — разрешает им не служить, в 1861 г. отпускают крепостных, и, по сути, начинается новая смута (революционная ситуация, отстрел высокопоставленных чиновников, покушения на царя и, наконец, его убийство).

В 1930-е гг. аналогом закрепощения верхушки, крестьян и служило-интеллигентского люда (в 1940 г. к этому добавился запрет рабочим переходить на другое место работы без разрешения администрации — мера как вызванная предвоенной ситуацией, так и обусловленная логикой русской истории) начинается новый цикл. Он — XX век! — развивается намного быстрее: в 1953–1956 гг. номенклатура отпускает саму себя, а в середине 1980-х гг. — население, и начинается новая смута, обрушивающая коммунистическую структуру русской власти.

Надо ли ожидать, что новый цикл стартует с нового ужесточения-закрепощения, чего, как я понимаю, опасается Юрий Андреевич? Соблазн такого опасения есть; но, думаю, ситуация будет развиваться иначе. Поскольку мы живем в эпоху неолиберальной глобализации, неолиберального отсе-

чения от «общественного пирога» значительных масс населения (рабочего класса и средних слоев), господства информационных факторов производства над вещественными и т. д., недоброе лицо русской (или пострусской) власти проявится скорее всего иначе. Она не станет никого закрепощать (это происходит в условиях нехватки рабочей силы на больших пространствах). Скорее, она с улыбкой скажет: «Вы свободны. Впереди рынок и конкуренция — они делают свободными. Вперед». Ну, а если кто не вписался, власть не виновата, она обещала свободу и дала ее — свободу от социальной защиты, от социальных гарантий, от социальной солидарности. Того, чего боится Юрий Андреевич, скорее всего не будет. Но это не значит, что не будет хуже.

Вопрос (В.Э. Багдасарян):

В современных учебниках по истории для 11-го класса приводится интересное распределение эпох: 1990-е гг. — олигархический капитализм, путинские годы — победа над олигархическим капитализмом. Как мне показалось, какая-то определенная проекция такой дифференциации в ретроспективном анализе выстраивается по отношению к понятию «олигарх». Несколько реже используются понятия «олигарх» и «олигархизация» применительно к средневековой Руси, к императорской России. Что Вы вкладываете в это понятие применительно к этому периоду? О какой борьбе с олигархами можно говорить во время, скажем, Новгородского похода Ивана Грозного, оставившего руины? Почему аристократы — допетровские олигархи, а Меншиков — не олигарх? Почему представители ленинской гвардии — олигархи, а сталинские наркомы — не олигархи?

Ответ:

Сначала о частностях. Сталинские наркомы не являются олигархами, потому что сталинская система — антиолигархическая, не предполагающая наличия олигархии. А вот ленинская система — олигархическая, что прямо признавал

сам Ленин (например, ПСС, т. 25. С. 193–194). Неслучайно в советской истории почти все новые генсеки/первoseки начинали свое правление тезисом о возвращении к «ленинским нормам коллективного руководства», т. е. руководства олигархического. И только с Брежневым происходит окончательная олигархизация коммунистической власти. Аналогичным образом в конце XIX в. произошла олигархизация самодержавия — старший Врангель прямо написал об этом в своих мемуарах.

Олигархизация — это «черная метка» и, одновременно, «воля к смерти» русской власти как автосубъектной; поэтому в здоровом состоянии, будучи на подъеме, русская власть всегда успешно преодолевала тенденцию к олигархизации власти (Иван IV и 256 кланов русской знати, Анна Иоанновна и «верховники»).

Меньшиков — функция власти, квазиолигархом он станет на короткий миг 1725–1727 гг. Что касается сегодняшнего дня — девяностых и двухтысячных годов, — то термин «олигархия» здесь — неудачная метафора. Те, кого именуют олигархами — это плутократия. Так их и надо именовать.

Вопрос (В.Ф. Туганов):

Говоря о происхождении ордынской московской власти и, соответственно, русской власти, Вы отметили, что она началась Ордой. Не кажется ли Вам, что нынешней Ордой являются США?

Ответ:

Разумеется, большая часть исторических аналогий носит более или менее поверхностный характер, но в данном случае я готов провести такую аналогию. Более того, я несколько раз писал о том, что функционально, эквивалентно-нишево США, особенно в 1990-е гг., выступали чем-то вроде неоорды по отношению к РФ. По аналогии с «Алтын Ордон» (Золотой Ордой) я назвал США в этой их функции

«Баруун Ордон», что по-монгольски значит «Западная Орда» или «Западный Дворец». Конечно же, Россия формально не выплачивает дань США, не приезжают оттуда баскаки и т. д. Однако деньги Стабфонда работают не на русскую экономику, а хранятся в США, главным образом в частных банках. Приезжающие с визитом высокопоставленные американские чиновники порой ведут себя если не как баскаки, то как ревизоры. Ну а о давлении на РФ, ограничивающем ее международную субъектность у уже и не говорю.

Пользуясь случаем, хочу обратить внимание на специфику перевода на русский словосочетания «Золотая Орда»: слово «алтын» («золотой») переведено на русский, а слово «ордон» оставлено в первоначальном монгольском варианте. Обычно слово «орда» ассоциируется со скопищем кочевых повозок, воинов и т. п., короче — «орда пришла». На самом деле, по-монгольски «ордон» — это дворец. «Алтын Ордон» означает «Золотой Дворец».

До смуты конца XIV в. Золотая Орда, ее города поражали своим богатством и великолепием. Русские князья, попадая в Сарай Бату, а затем в Сарай Бэрке, с восторгом взирали на великолепие «Золотого дворца». Позже, после ухода «орды», это слово приобрело другой смысл. Но не у представителей русской власти, которые стали активно использовать термин «дворец» в качестве административной кальки с монгольского.

Русские приказы XVI–XVII вв. делились на функциональные (Посольский приказ, Разбойная изба и т. д.) и территориальные. Так вот, территориальные приказы назывались «дворцами» (Тверской дворец, Сибирский дворец), т. е. «ордонами», ордой. Москва — наследник Орды — ко вновь присоединенным территориям выступала в качестве «орды», т. е. воспроизводила прежнюю ордынскую матрицу, иерархию, высшую ступеньку в которой занимает уже не Сарай-хото, а Москва-хото (хот (о) по-монгольски — «город»).

Разумеется, в современном мире внешнее управление или, скажем, внешнее влияние носит принципиально иной

характер, чем в ордынские времена. Сегодня речь, главным образом, идет о финансово-экономических и информационно-психологических широкомасштабных воздействиях.

Вопрос (А.Н. Окара):

Правильно ли я понимаю, что истоки Вашей концепции о власти и субъекте — в евразийстве? Если нет, то в чем тогда принципиальная разница?

Ответ:

Неправильно. Евразийцы, рассуждая о специфике России, высказали ряд верных мыслей; но они не занимались проблемой русской власти как особого субъекта, их вообще не интересовала субъектная проблематика. Большие сомнения вызывает у меня и подмена России, русскости евразийскостью. Получается, проблема русской специфики — это есть всего лишь проблема соотношения европейскости и азиатскости: чего больше, в какой пропорции и т. п. Неслучайно евразийские идеи подхватили в странах — бывших советских республиках Средней Азии. Россия — это не Евразия, не Западо-Восток, это Россия.

А.Н. Окара:

А идея гарантийного государства?

Ответ:

Меня эта метафора не вдохновляет. Под «гарантийное государство» можно подвести любую «докапиталистическую» или «раннекапиталистическую» структуру — от сегуната Токугава до современной ему Пруссии. А вот подвести их под автосубъектную власть — не получится.

А.Н. Окара:

Скажите, государство-корпорация — как оно складывается в путинской России? Чем в России оно принципиально отличается от той же Колумбии или США?

Ответ:

Только не государство-корпорация, а корпорация-государство — различие принципиальное: корпорация здесь — определение исторического качества государства. Корпораций-государств в Колумбии, по крайней мере, четыре; три из них — чистый криминал. Государство РФ при всей его коррупционности (а также при том, что КГ в тенденции есть криминально-корпорационное государство) криминальным, по крайней мере, чисто и полностью не является. На огромных пространствах полная криминализация затруднительна, но возможны криминальные анклавы (например, зона «общака» на Дальнем Востоке).

А.Н. Окара:

Правильно ли я понимаю, что в развитии Московского княжества и дальше — Московского цивилизованного государства и близкого по всем параметрам Великого княжества Литовского — принципиальным различием было отсутствие этого наследия Алтын Орды?

Ответ:

Правильно. Великое княжество Литовское — это по своей сути европейская структура, полисубъектная. Здесь даже полунищий шляхтич мог претендовать на субъектность. Но я еще раз хочу подчеркнуть: русская власть сформировалась не на основе ордынского наследия (в Орде не было автосубъектной власти), а на основе более чем двухвекового взаимодействия Руси и Орды, а затем в острой социальной борьбе — опричной революции, контрреволюции в виде смуты и самодержавной эволюции 1620–1630-х гг.

Последняя ремарка. Линия на западе, по которой распался СССР, нынешняя граница РФ — это западная граница улусов Золотой Орды (с той лишь разницей, что Смоленск сначала платил дань Орде и Литве, а затем — только Литве).

Вопрос (А.И. Неклесса):

Действительно, разделение Руси в социокультурном отношении — существенный элемент рассматриваемой сегодня темы. Кстати, Андрей Ильич, не могли бы Вы уточнить, о чем все-таки идет речь в докладе: о русской власти или же о власти российской? Ответ в принципе, как мне кажется, Вами уже дан. Поэтому я, пожалуй, сформулирую тот же вопрос, но в прогностическом ключе. В связи с данным фундаментальным социокультурным разломом, какой Вам видится долгосрочная перспектива динамики связей России в конфигурации «Россия-РФ и юго-западный ареал — Украина и Белоруссия»? В моем вопросе две составляющие: а) Россия versus Украина/Белоруссия и б) будущее взаимоотношений между Белоруссией и Украиной.

Ответ:

Я не очень понял, о каком разломе идет речь — о разломе петровских времен на два уклада — традиционно русский и европеизировано русский или о чем-то другом.

Что касается вопроса о перспективах отношений в треугольнике «РФ — Украина — Белоруссия», то **непосредственно** из теории русской власти ответ на него не вытекает, этот ответ должен быть дан на ином, более конкретном уровне — на уровне теории, которая является частным случаем предложенной здесь теории русской власти. Эта теория находится в самом начале пути, она еще не прошла некоторых важных конкретизирующих ее к злобе дня трансформаций, и характеризовать нынешнюю ситуацию в СНГ на основе общей теории было бы неверно.

Во-вторых, отношения в «славянском треугольнике» обуславливаются не только этим треугольником, советско-российским наследием («русская власть»), но и другими факторами и другими игроками — причем, в значительной степени. США (то, что именуют «вашингтонским обкомом партии»), Евросоюз (прежде всего, Германия), транснацио-

нальные корпорации — вот факторы, **практически** влияющие на развитие отношений «РФ — Украина — Белоруссия». Эти факторы никак не вытекают из теории русской власти, а учитывать их необходимо, поэтому дополнительно нужны и иная теория (геополитика, геэкономика), и конкретный анализ (интересы государств, различных фракций и групп мирового капиталистического класса, их связей с различными группами «в верхах» стран «славянского треугольника».

И. Репин. Запорожцы пишут письмо турецкому султану